

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ IX. ОТ МОНАРХИЗМА К БОНАПАРТИЗМУ**

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматривается вторая часть (1851) романа-фельетона барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год», посвященная эпохе революции 1848 г. В отличие от первой части атрибуты исторического нарратива здесь оказываются изглажены, а повествование организовано на основе авантюрной интриги. Это облегчает автору задачу трактовки исторической реальности в интересах заданной идеологии. Роман довольно прямолинейно транслировал мысль, что революция 1848 г. не имела политических и социальных предпосылок и была спровоцирована авантюристами-заговорщиками в корыстных интересах. В поисках выхода из «революционного хаоса» Базанкур проводил параллель с Наполеоном I, который, захватив власть, «сокрушил анархию» во Франции. Это в значительной степени согласовывалось с идеологическими посылами Луи Наполеона, готовившего переворот как раз во время публикации романа. Так что после государственного переворота Базанкур вполне мог восприниматься новой властью в качестве убежденного сторонника. Это во многом может объяснить, почему в 1854 г. ему будет поручена миссия историографа и корреспондента на театре военных действий в Крыму.

Ключевые слова: Барон де Базанкур, Монтаньяр, Великая французская революция, революция 1848 г., тенденциозность.

ВВЕДЕНИЕ

В 1850–1851 гг. Ф. Ж. де Базанкур опубликовал в монархической газете «L'Assemblée nationale» роман-фельетон «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год». Роман состоит из двух приблизительно равновеликих частей: в первой описывается эпоха Великой французской революции; во второй – события революции 1848 г. Анализируя первую часть [2; 3], мы уже заключили, что, имея атрибуты исторического романа, она довольно далека от исторической достоверности и была призвана жесткими картинками террора 1793 г. настроить читателя против революционных идей новой эпохи и республиканской формы правления. Таким образом, первая часть романа служила пропагандистским целям монархической партии, которая в момент публикации романа активно теснила на политической арене лагерь левых сил.

Вторая часть романа начала печататься в «L'Assemblée nationale» 23 апреля 1851 г. [12] и называлась «1848 год». Здесь описывались события трехлетней давности, то есть для читателей Базанкура – почти современность. Привычные черты исторического романа в повествовании уже не просматриваются: реальные исторические персонажи в событиях не участвуют, и даже точная датировка событий отсутствует. Создается дополнительная свобода авторской фантазии, а соответственно, облегчается «продвижение» нужной автору политической идеологии. Эта часть романа должна была восприниматься как злободневная рефлексия по поводу актуальной политической ситуации.

Цель настоящей статьи – оценить, насколько идеологическая заданность второй части романа Базанкура согласовывалась с синхронно происходившими политическими изменениями, в частности, с захватом власти Луи Наполеоном в декабре 1851 г. В свою очередь, это поможет понять мотивы, по которым правительство Наполеона III в скором будущем поручит барону де Базанкуру крымскую миссию.

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во второй части романа политическая заостренность была автором усилена, что ощущается уже в смене эпиграфа. Первую часть «Монтаньяра...», посвященную Великой французской революции, предваряла цитата из речи жирондиста М.-Э. Гаде, произнесенной в Конвенте: «Пришло время положить конец этой борьбе между целой нацией и горсткой повстанцев, маскирующихся под именем патриотов». Как видим, эпиграф настраивал читателя главным образом против радикальной революционной группы – монтаньяров. Теперь же, во второй части романа, посвященной революции 1848 г., в качестве эпиграфа использована фраза (без указания авторства) «Франция не приняла республику, она выдержала ее». Новый эпиграф программировал критическое отношение к самой республиканской форме государственности.

Новая часть романа служила сюжетным продолжением предыдущей, но, поскольку события, изображаемые в двух частях, оказались разделены между собой более чем полувековым промежутком времени, автору пришлось в развернутом прологе «навести мосты» между частями и кратко рассказать, что происходило с героями и страной в период между 1793 и 1848 гг. К подробностям романного сюжета обратимся чуть позже, а пока остановимся на историко-политическом содержании пролога.

Возвращаясь к событиям Великой французской революции, Базанкур повествует, как, «миновав период кровавой республики 1793 года», Франция оказалась в «объятиях Директории», «заменившей жестокость анархией» [11, т. 5, р. 4]; как Бонапарт «своим привыкшим к победам мечом» «отбросил внешнего врага и сокрушил анархию внутри» [11, т. 5, р. 4]. Монархисты при этом разделились на две партии. Одна, «мудрая и смиренная», «признавала великие заслуги первого консула перед нацией», во избежание гражданской розни отказалась от партийных притязаний и «ждала часа, который Божья воля обозначит как начало монархического возрождения» [11, т. 5, р. 5]. Другая партия, «нетерпеливая и буйная», оставалась «глуха к голосу нации», «ослеплена собственными устремлениями», считала Бонапарта узурпатором и выступала против него [11, т. 5, р. 5]. Дальнейшее повествование убеждает, что Базанкур поддерживал убеждения первой партии, и, значит, признавал «заслуги первого консула перед нацией». В политической ситуации, сложившейся к моменту публикации романа, это было крайне важным.

Хотя в эпоху Реставрации официальная идеология стремилась демонизировать Наполеона, он продолжал сохранять симпатии и сочувствие значительной части французского общества. В пору Июльской монархии число его сторонников лишь росло. А. Дюма в 1833 г. в «Галлии и Франции» убеждал читателей, что Наполеон не только спас Францию от хаоса, но и распространил свободу по всей Европе, поскольку его армии «всюду несли смерть королям и дыхание жизни народам» [18, р. 360]. Конечно, такое отношение к Бонапарту во многом объяснялось тем, что Дюма, как и барон де Базанкур, был сыном наполеоновского генерала. Но если оценивать ситуацию шире, то следует признать, что живучесть наполеоновского мифа во Франции была обусловлена целым набором факторов. Н. П. Таньшина, подробно исследовав этот вопрос, убедительно обобщает, что возрождению культа Наполеона в эпоху Июльской монархии

способствовали и стремление французской нации к реваншу, и восхищение сильной личностью, и идеализация Наполеона романтической литературой. Наконец, Луи Филипп, поддерживая миф о Наполеоне, ««легитимизировал» и себя самого» [6, с. 29], поскольку он и сам, как Наполеон, узурпировал власть.

Именно миф о Наполеоне I стал залогом победы на президентских выборах 1848 г. его племянника Луи Наполеона. Благодаря наполеоновскому мифу и в дальнейшем росли симпатии к бонапартизму, который воспринимался как «третий путь» между Старым порядком и революционным хаосом» [7, с. 207]. При этом многие монархисты, как мы уже говорили, были склонны поддерживать на выборах Луи Наполеона, полагая, что со временем это позволит «снова вернуться на королевский путь» [8, р. 72]. Среди сторонников такой идеи были, скажем, Л.-М. Моле и Ш. де Ремюза, входившие в круг общения Базанкура и имевшие влияние на редакционную политику «L'Assemblée nationale», где печатался роман Базанкура.

В какой-то период единство монархических сил поддерживалось страхом перед успехами левых. Однако ко времени, когда Базанкур печатал вторую часть своего «революционного» романа, возможности Горы в Законодательном собрании были уже подавлены: ее лидеры либо оказались в эмиграции, либо утратили решимость [4, т. 2, с. 143]. Тогда между монархическими группами развернулась конкуренция, а политическое самоопределение этих групп во многом зависело от того, готовы ли они мириться со все возрастающим влиянием Луи Наполеона. Ясно, что Базанкур, обрисовывая ситуацию времен Наполеона I, подсказывал параллели с современностью и давал понять, на чьей стороне он сам. Выражая симпатию прежним монархистам, признавшим «великие заслуги первого консула», он, по существу, призывал современных монархистов поддержать «нового Наполеона». И, забегая вперед, скажем, что уже через полгода этот «новый Наполеон» узурпирует власть, разогнав Законодательное собрание почти так же, как его дядя некогда разогнал Совет пятисот. Причем переворот Луи Наполеона будет приурочен ко дню коронации Наполеона I в 1804 г. Так что роман Базанкура станет выглядеть почти как историческое провидение.

Отметим вот еще что. «Республиканский» роман А. Дюма «Анж Питу», как уже говорилось [3, с. 121], был прерван из-за введения налога на публикацию романов-фельетонов. А вот «антиреспубликанский» роман барона де Базанкура продолжал печататься в «L'Assemblée nationale», а с 29 апреля по 24 октября 1851 г. – еще и в «Courtier de Marseille» [14; 15]. Очевидно, что монархические и бонапартистские издания были готовы терять в коммерческой выгоде ради пропаганды своих идей, воплощенных в тексте популярного романного жанра.

Однако вернемся к собственно романному сюжету. Как уже сказано, реальные исторические лица в этой части романа не участвуют, вымышленный сюжет становится самодостаточным стержнем повествования. Напомним, что первая часть романа завершилась тем, что Жорж Монтаньяр разочаровался в революции, а его возлюбленная Жанна де Савернуа была приговорена к казни. Из пролога второй части читатель узнавал, как сложилась судьба героев к 1848 г.

Жанне удалось почти чудесным образом спастись от смерти. Через несколько лет она снова встречается с Жоржем и вопреки воле брата связывает с бывшим революционером жизнь. Жанна родила сына, но в скорости умерла; забота о будущем ребенка заставляет брата Жанны, Анри де Савернуа, усыновить мальчика, тогда как Жорж Монтаньяр отправляется в изгнание, пообещав навсегда сохранить в тайне свое отцовство.

Теперь, в 1848 г., главным героем повествования становится уже внук Жанны и Жоржа Монтаньяра – Артур де Савернуа. Артуру 21 год, он рано потерял родителей, а воспитавшего его маркиза Анри де Савернуа считает родным дедом. Юноша – студент, живет в Париже и, подобно значительной части «легкомысленной» молодежи, восхищен революционными идеями. Обладая благородным сердцем и состоянием, Артур становится кумиром для однокашников. Однако его титул и деньги привлекают также внимание заговорщиков-революционеров, которые пытаются использовать юношу в деятельности тайного общества. Эта миссия поручена итальянке, называющей себя принцессой Олимпией Пальянчи. Внушив Артуру страсть, она коварно увлекает его в сети заговорщиков. Впрочем, есть человек, который разгадывает планы революционеров и всеми силами пытается защитить Артура от их козней. Для Артура это просто благожелательно расположенный к нему старик-сосед, но читатель скоро догадывается, что речь идет о Жорже Монтаньяре, который решил посвятить остаток дней тайной защите внука от ошибок, совершенных им самим в юности.

Базанкур густо насыщает повествование разнообразным набором увлекательных элементов, совмещая традиции авантурных разновидностей жанра. Читатель находит здесь потайные комнаты и секретные двери; поединки на клинках; погони; злодеев, меняющих внешность; преступников из самых низов общества и проч., и проч. В результате Монтаньяру удается вырвать Артура из рук заговорщиков и освободить его сознание от революционных иллюзий. В финале романа они оба сражаются против революционеров на улицах Парижа. Артур даже первым срывает красный флаг с одной из баррикад и под шквалом выстрелов втаптывает его в мостовую. В этот момент Жорж Монтаньяр гибнет, закрыв собой Артура от пули повстанцев.

Авантурная составляющая выписывалась автором с заметным старанием, но очевидно, что она служила средством для достижения идеологической цели: показать читателю «изнанку» революционных идей и устремлений. Потому для нас важна авторская интерпретация исторических событий. Сами эти события показаны лишь вскользь и даже без указания дат: это восстание, приведшее к революции 1848 г., и последовавшие вскоре кровавые столкновения в Париже, под которыми, надо полагать, автор подразумевал Июньское восстание рабочих. Автора больше интересуют «тайные механизмы» этих событий.

С точки зрения романиста, никаких политических и социальных предпосылок для революции не существовало. Она была спровоцирована профессиональными заговорщиками, привыкшими извлекать личную выгоду из беспорядков. Главные деятели заговора были выходцами из Италии, что, по мнению автора, закономерно:

«<...> Братья “Молодой Италии” имеют вечные права на признание со стороны плохих граждан; они, как и поляки, являются странствующими евреями революций; их можно встретить везде, где порядку угрожает анархия» [11, т. 5, р. 161].

Лидеры заговорщиков изображены исключительно темными красками. Так, ростовщик Мариньи оказывается способен на самые низкие преступления. Принцесса Пальянчи в реальности – уличная девка из Флоренции, откуда ее изгнали за грехи, побив плетью. Спонсор заговора Врильер – сын санкюлота, некогда разбогатевшего на разграблении и убийстве аристократов. А когда одного из вожаков заговора спрашивают, чем он будет заниматься, когда свергнет монархию и установит республику, он

откровенно отвечает: «Даже не знаю! Вероятно, для разнообразия я буду работать над свержением республики и восстановлением монархии» [11, т. 7, р. 136].

Словом, в трактовке автора, в революции участвовали погрязшие в разврате отдельные представители общественной верхушки, авантюристы разных мастей, одурманенная молодежь и низшие слои общества, чья мотивация сводится к иррациональному инстинкту разрушения, – «люди баррикад и бунтари», «подонки, отбросы общества, мечтающие о разграблении и разрушении!» [11, т. 8, р. 148].

Эта мысль с особой настойчивостью звучала в финале романа. Как помним, «исцелившийся» от революционных идей Артур, а с ним и Жорж Монтаньяр, в конце концов, оказываются на улицах Парижа, чтобы с оружием в руках противостоять мятежникам (речь, конечно, о рабочем восстании 22–26 июня 1848 г.) И вот слова автора о начале восстания:

«<...> Отвратительный бунт с окровавленными руками и черными от пороха винтовками поднял голову из-за наваленной грудой брусчатки; уже со всех сторон потянулись эти жуткие слухи, которыми полнится всякий город, раздираемый междоусобицей; эти фигуры, заклеенные печатью всеобщего презрения, фигуры галерных каторжников, которые, кажется, во времена анархии выходят из дьявольского чрева или тюремных казематов, чтобы нести беззаконие, воровство, грабежи, убийство <...>. Февральские победители решили прибавить еще одну пальмовую ветвь к своему неполному триумфу и уничтожить все общество, посеять на его развалинах семена своего циничного кощунства. <...> Трусливо и святотатственно они вознамерились согнуть отягченную славой голову старой Франции, поправ ее своими грязными ногами» [13, р. 3].

Как «вписывался» приведенный пассаж (да и весь роман) в развитие актуальной политической ситуации?

Эти заключительные строки романа, демонизирующие сторонников республики, печатались в «L'Assemblée nationale» 23 августа 1851 г. До переворота, который осуществит Луи Наполеон, оставалось чуть более 3 месяцев, хотя предчувствие возможной и даже неизбежной узурпации власти уже витало в воздухе [5, с. 152]. Роман Базанкура создавал «психологический фон», выгодный Луи Наполеону, который выстраивал идеологию скорого переворота на противопоставлении порядка, обеспеченного самовластием, бесконечному хаосу революций.

Впрочем, для редакции «L'Assemblée nationale», печатавшей роман Базанкура, государственный переворот, кажется, стал неожиданностью. Газета даже попыталась возвысить голос по поводу захвата Наполеоном всей полноты власти. 2 декабря 1851 г., когда на улицах Парижа появились прокламации с решением президента распустить Законодательное собрание, главный редактор газеты А. де Лавалетт выступил на первой полосе с пафосной статьей, заявив, что общество не потерпит узурпации власти: «Франция привыкла, чтобы с ней советовались, когда речь идет о ее судьбе» [20].

Однако уже на следующий день, 3 декабря 1851 г., «L'Assemblée nationale» перепечатала на первой полосе то самое воззвание Луи Наполеона к французскому народу, которое сообщало о роспуске Законодательного собрания, оправдывало захват власти стремлением положить конец «эпохе революций», спасти Францию от «анархии» [17] и вызвало поначалу гневную отповедь Лавалетта. В течение суток газета превратилась чуть ли не в рупор «новой власти».

В работе редакции, впрочем, обозначилась заминка: газета вышла в формате двух полос вместо четырех. Это объяснимо: как раз 3 декабря в Париже стали появляться баррикады для борьбы с «президентом-узурпатором»; часть депутатов, возглавляемая В. Гюго, создала «Комитет сопротивления» [5, р. 175–176]; в рабочих районах началось серьезное республиканское восстание, которым руководили депутаты Горы [4. т. 2, с. 162], то есть новые монтаньяры.

4 декабря 30 тысяч солдат, вооруженных в том числе артиллерией, приступили к энергичному подавлению мятежа, причем под неизбирательный огонь попало немалое число непричастных к восстанию горожан [5, с. 177]. «L'Assemblée nationale» в тот день уведомила читателей, что члены редакции вынуждены покинуть рабочие места ввиду чрезвычайной ситуации. Газета, однако, вышла на привычных четырех полосах и разместила распоряжение Луи Наполеона о подготовке к плебисциту [16], призванному узаконить результаты переворота.

5 декабря, когда уже стало очевидным, что восстание в столице подавлено, «L'Assemblée nationale» публиковала обращение к парижанам от нового военного министра А. де Сент-Арно, где говорилось следующее:

«Жители Парижа! Враги порядка и общества начали борьбу. Они воюют не против правительства, а хотят грабежей и разрушений. Пусть добрые граждане объединятся во имя общества и семей, находящихся под угрозой» [22].

Тон и даже отдельные выражения этого текста очень напоминают финальный пассаж из романа барона де Базанкура. Сент-Арно вряд ли читал роман, просто борьба с республикой как общая цель монархистов и бонапартистов, программировала сходные идеологические установки, «типовую» стилистику пропаганды.

Соппротивление перевороту в провинции еще какое-то время продолжалось. Что же касается деятельности «L'Assemblée nationale», то уже 6 декабря газета, кажется, совершенно вернулась к обычному ритму работы и предлагала читателям очередные главы из далекого от политики романа-фельетона Леди Джорджианы Фуллертон «Поместье Грантли» [19]. Будто и не было всего несколькими днями ранее узурпации власти, стрельбы и крови на улицах Парижа.

Словом, бонапартизм одержал победу, и монархическая «L'Assemblée nationale» эту победу приняла. Что касается Базанкура, то идеология и пафос второй части его романа «Монтаньяр...» настолько соответствовали духу бонапартистского переворота, что автор вполне мог восприниматься новой властью в качестве убежденного сторонника, послужившего своим пером успеху заговора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все, что мы знаем о личности барона де Базанкура, не позволяет заподозрить его в неискренности убеждений. Как представитель старинной аристократии он вполне закономерно исповедовал монархические взгляды и, судя по всему, был легитимистом. Безусловно, он не принял революцию 1848 г. Судя по мемуарным свидетельствам [23], в феврале 1848 г., когда значительная часть национальной гвардии перешла на сторону инсургентов, он остался противником народного возмущения и находился в качестве штабного офицера национальной гвардии подле маршала Бюжо [23, р. 2], назначенного главнокомандующим всеми вооруженными силами Парижа и готовившего план по разгрому восстания.

Поскольку Базанкур был сыном наполеоновского генерала (кстати, руководившего в свое время национальной гвардией Парижа [1, с. 16]), он должен был стремиться к примирению монархических позиций с бонапартистскими и видеть в успехе Наполеона III путь к восстановлению монархии.

Судя по манере обращения с историческими данными, Базанкур в обеих частях романа «Монтаньяр, или Две республики» стремился не к исторической достоверности, а к выражению своей политической позиции. И эта позиция оказалась в согласии с интересами той политической силы, которая в конечном счете обрела абсолютную власть. Так что его роман мог служить как бы «пропуском» к новым перспективам в новых политических условиях. Это, думается, во многом и объясняет, почему в 1854 г. Базанкуру будет поручена миссия историографа французской армии под Севастополем.

Роман «Монтаньяр...», к слову, очень оперативно выходил в книжном варианте. В 1850 г., когда еще не была опубликована вторая часть («1848 г.»), в Брюсселе вышел пятитомник с первой частью [10]. В 1851 г. там же в Брюсселе роман вышел уже полностью – в 8 томах [11].¹ Поскольку каждая часть могла рассматриваться как самостоятельный сюжет, они печатались еще и по отдельности: в 1851 г. вышел четырехтомник «Жорж Монтаньяр» [20, р. 417], а в 1852 – четырехтомник «Принцесса Пальянчи» [9]. Причем в последнем случае автор снова использовал свою излюбленную подпись, некогда «отмененную» революцией 1848 г.: теперь на титуле снова было указано не «де Базанкур», а «барон де Базанкур».

Список литературы

1. Генералы Наполеона (биографический словарь) / Авт.-сост. Шиканов В. Н. – М.: Рейттарь, 2004. – 233 с.
2. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть VII. «Революционный» роман // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 102–121.
3. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть VIII. «Монтаньяр...» vs «Анж Питу» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 3. – С. 109–128.
4. Революции 1848–1849 [В 2-х т.] / Под ред. Ф. В. Потемкина, А. И. Молока. – М.: АН СССР, 1952. – Т. 1. – 847 с.; т. 2. – 639 с.
5. Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
6. Танышина Н. П. «Наполеоновская Легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. – 2016. – № 5. – С. 26–44.
7. Черкасов П. П. Наполеон III – император французов // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 197–216.
8. Claudin G. Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870. – Paris, Calmann Lévy, 1884. – 346 p.
9. Bazancour, baron de. La princesse Pallianci. – Bruxelles: Lilbrairie de Ch. Muquardt, 1852. – Т. 1–5.
10. Bazancour [baron] de. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. – Bruxelles, Kiessling et compagnie, 1850. – Т. 1–5.
11. Bazancour [baron] de. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. – Bruxelles, Meline, Cans et compagnie, 1851. – Т. 1–8.
12. Bazancourt [baron] de. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. Prologue // L'Assemblée nationale. – 1851. – 23 avril. – P. 1–3.
13. Bazancourt [baron] de. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partie. – 1848. // L'Assemblée nationale. – 1851. – 23 août. – P. 1–3.

¹ В этом издании первая часть была реструктурирована и составила 4 тома вместо 5-ти.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ IX...

14. Bazancourt [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. Prologue // Courrier de Marseille.* – 1851. – 29 avril. – P. 1–2.
15. Bazancourt [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. XXIII. (Suite et fin) // Courrier de Marseille.* – 1851. – 24 octobre. – P. 1–3.
16. Bonaparte L.-N. *Au nom du peuple français // L'Assemblée nationale.* – 1851. – 4 décembre. – P. 1.
17. Bonaparte L.-N. *Proclamation du président de la république. Appel au peuple // L'Assemblée nationale.* – 1851. – 3 décembre. – P. 1.
18. Dumas A. *Gaule et France.* – Paris: Victor Magen, 1835. – 375 p.
19. Fullerton G. lady. *Le manoir de Grantley // L'Assemblée nationale.* – 1851. – 6 décembre. – P. 1–2.
20. Larousse P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2.* – Paris, Larousse, 1867. – 1463 p.
21. Lavalette A. de. *Élections du département de la Seine // L'Assemblée nationale.* – 1851. – 2 décembre. – P. 1.
22. Saint-Arnaud A. de. *Habitants de Paris! // L'Assemblée nationale.* – 1851. – 5 décembre. – P. 1.
23. Villemessant H. de. *Souvenir historique // Figaro.* – 1855. – 11 mars. – №. 50. – P. 2–3.

References

1. *Generaly Napoleona (biograficheskij slovar')* [Napoleon's Generals (biographical dictionary)]. Moscow, Rejttar Publ., 2004. 233 p.
2. Orekhov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' VII. «Revolucionnyj» roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part VII. The “revolutionary” novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 102–121.
3. Orekhov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' VIII. «Montan'yar...» vs «Anzh Pitou»* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part VIII. “Montagnard...” vs. “Ange Pitou”]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 3, pp. 109–128.
4. *Revolyucii 1848–1849. V 2-h t. [Revolutions of 1848–1849. In 2 volumes]*. Moscow, AN SSSR Publ., 1952, vol. 1. 847 p.; vol. 2. 639 p.
5. Smirnov A. Yu. *Imperiya Napoleona III* [Empire of Napoleon III]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 288 p.
6. Tan'shina N. P. *«Napoleonovskaya Legenda» vo Francii v gody Iyul'skoj monarhii* [“The Napoleonic Legend” in France during the July Monarchy]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2016, no. 5, pp. 26–44.
7. Cherkasov P. P. *Napoleon III – imperator francuzov* [Napoleon III – Emperor of the French]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2012, no. 3, pp. 197–216.
8. Claudin G. *Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870.* Paris, Calmann Lévy, 1884. 346 p.
9. Bazancour baron de. *La princesse Pallianci.* Bruxelles, Lilbrairie de Ch. Muquardt, 1852, vol. 1–5.
10. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848.* Bruxelles, Kiessling et compagnie, 1850, vol. 1–5.
11. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848.* Bruxelles, Meline, Cans et compagnie, 1851, vol. 1–8.
12. Bazancourt [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. Prologue // L'Assemblée nationale*, 1851, 23 avril, pp. 1–3.
13. Bazancourt [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partie. – 1848 // L'Assemblée nationale*, 1851, 23 août, pp. 1–3.
14. Bazancourt [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. Prologue // Courrier de Marseille*, 1851, 29 avril, pp. 1–2.
15. Bazancourt [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. XXIII. (Suite et fin) // Courrier de Marseille*, 1851, 24 octobre, pp. 1–3.
16. Bonaparte L.-N. *Au nom du peuple français // L'Assemblée nationale*, 1851, 4 décembre, p. 1.
17. Bonaparte L.-N. *Proclamation du président de la république. Appel au peuple // L'Assemblée nationale*, 1851, 3 décembre, p. 1.
18. Dumas A. *Gaule et France.* Paris, Victor Magen, 1835. 375 p.

19. Fullerton G. lady. *Le manoir de Grantley* // L'Assemblée nationale, 1851, 6 décembre, pp. 1–2.
20. Larousse P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle...* T. 2. Paris, Larousse, 1867. 1463 p.
21. Lavalette A. de. *Élections du département de la Seine* // L'Assemblée nationale, 1851, 2 décembre, p. 1.
22. Saint-Arnaud A. de. *Habitants de Paris!* // L'Assemblée nationale, 1851, 5 décembre, p. 1.
23. Villemessant H. de. *Souvenir historique* // Figaro, 1855, 11 mars, no. 50, pp. 2–3.

**BARON DE BAZANCOURT: WRITER, HISTORIAN, WAR CORRESPONDENT.
PART IX. FROM MONARCHISM TO BONAPARTISM**

Orekhov V. V.

This article examines the second part (1851) of Baron de Bazancourt's feuilleton novel Montagnard, or The Two Republics: 1793–1848, dedicated to the era of the 1848 Revolution. Unlike the first part, the trappings of historical narrative are erased, and the narrative is organized around an adventurous intrigue. This facilitates the author's task of interpreting reality in the interests of a given ideology. The novel rather straightforwardly conveyed the idea that the 1848 Revolution lacked political and social preconditions and was provoked by adventurers and conspirators for their own selfish interests. Seeking a way out of the "revolutionary chaos," Bazancourt suggested a parallel with Napoleon I, who, having seized power, "crushed anarchy" in France. This accorded very well with the ideological premises of Louis Napoleon, who was preparing for a coup d'état just as the novel was being published. So, after the coup d'état, Bazancourt could well have been perceived by the new regime as a staunch supporter. This may largely explain why, in 1854, he was entrusted with the mission of historiographer and correspondent in the Crimean theater of military operations.

Keywords: Baron de Bazancourt, Montagnard, French Revolution, 1848 Revolution, bias.